

Лев ДУРОВ:

Наш ориентир — на молодежь

Моск. краевед. — 2003 —
12 сент. — с. 5

С Львом Константиновичем Дуровым мы договорились о встрече во второй половине дня. Но уже во дворе Театра на Малой Бронной меня встретили оглушительные барабанные дробы. Было ясно: неистовый Дуров репетирует финал своего спектакля «Лиса и виноград» Г. Фигейредо, в котором он и постановщик, и главный герой Эзоп. Из репетиционного зала Дуров вышел весь вымокший и попросил подождать его наверху, в его комнате. Приняв пост главного режиссера, он не стал переселяться в отведенный этой должности кабинет, а остался в «своей» комнате, обжитой и привычной. С множеством афиш и фотографий на стенах, сувенирами на столе, стареньким мундиром Жевакина, одного из любимых своих героев, трогательно притулившимся на вешалке возле афиши эфросовской постановки «Женитьбы» Гоголя. С нового положения народного артиста СССР Л. Дурова и начался наш разговор.

- Лев Константинович, на Малой Бронной, в отличие от многих других театров, во главе коллектива значится не художественный руководитель, а главный режиссер. В разразившемся весной скандале ухода с этого поста Андрея Житинкина его защитники ссылались именно на то, что по такому статусу первой фигурой является директор, который пользуется правом увольнять главных режиссеров. С вашим вступлением в должность что-либо изменилось? И вообще можете ли вы объективно, как человек в том скандале не участвовавший, дать свою оценку случившемуся? Если вам неудобно об этом говорить, не отвечайте.

- Нет, нет, я готов ответить на все вопросы. Это же была не моя инициатива расстаться с Андреем Житинкиным. Двадцать четыре артиста из тридцати восьми человек труппы выразили свое недоверие Житинкину как главному режиссеру. 24 из 38! 28 артистов прогоспосовали за мою творческую программу и только три человека - за его. Все. Тут уже и говорить не о чем, и дискуссии устраивать нечего. Театр вправе решать сам свои внутренние дела - художественные, эстетические, гражданские. И Комитет по культуре правительства Москвы поддержал мнение большинства труппы. Сейчас уже не то время, чтобы снимать и назначать кого-то сверху в творческих коллективах. И не следовало бы журналистам раздувать из этой ситуации скандал. Да будь я на месте Житинкина, я бы сказал: «Извините. Раз вы меня не хотите - до свидания». И ушел бы по-хорошему. Потом встречались бы улыбаясь, желали друг другу успехов. В создавшейся ситуации меня попросили возглавить труппу. Положение безвыходное. Я согласился. Как долго будет длиться мое личное руководство - не знаю. Если только появится молодой режиссер с интересными идеями, я тут же с удовольствием верну ему это кресло. Тем более что я же, как вы видите, даже не сижу в кабинете главного режиссера, а в своей комнате, где мне хорошо и

уютно. Здесь вся моя жизнь. Театральная. А статус театра остался прежний. Я - главный режиссер.

- Так в чем же состоит кредо главного режиссера Льва Дурова? Вы, наверное, изложили его на сборе труппы!

- Конечно. Это - ориентир на молодую режиссуру. Между прочим, эта тенденция обсуждалась и на заседании правительства Москвы. В новом сезоне все наши премьеры будут готовиться молодыми. Кроме одной - моей. Но я выпущу свой спектакль 27 сентября и больше ничего в текущем сезоне не стану делать сам. А молодые режиссеры, которых мы пригласили - Роман Самгин, Владимир Агеев и Ольга Субботина, уже зарекомендовали себя рядом постановок, мы их не с улицы берем. Самгин репетирует с августа пьесу «Доктор философии» Нушича, которая у нас будет называться «Славянские безумства». Артисты говорят, что им интересно с ним работать. Агеев на днях сдает макет своего спектакля «Учитель риторики» Сафур-младшей, Екатерины. А Ольга Субботина будет ставить «Заговор чувств» Олеси. Такая вот программа. С точки зрения художественной, она, как мне кажется, очень интересна и полноценна.

- А ваша премьера!

- У меня «Дети Ванюшина» Найденова. Но я посчитал, что название сужает смысл пьесы, сводит его к конфликту одной семьи. А мой спектакль шире, объемнее. О взаимоотношениях отцов и детей вообще. Это вечная тема. И я назвал свой спектакль просто «Дети», но с вопросительным и восклицательным знаками - «Дети?!». (Дуров произносит это слово с разными интонациями: вопросительно-недоуменной, восклицательно-ошеломленной. Очень выразительно.) Это в прежние времена родители долго держали при себе детей и за них решали их судьбы. Сегодня дети поступают по-своему, никого не спрашивая. Вот у меня внучка уехала в Абакан работать завлитом в кукольный театр. Нормально. Ей там интересно, нравится город. Что

ж, я ее за руку буду хватать? «Нет, Катя, не уезжай». Да не буду я этого делать! Она уже взрослый человек, сама решает свою судьбу. Я привык относиться к детям как к равным. Так же и к своим коллегам. Никогда не стремился наверх, не выпендривался. И сейчас к молодым режиссерам буду относиться как к равным, не вмешиваясь в их работу. Только когда будем принимать спектакли, если у меня возникнут пожелания, советы, я их выскажу непременно, даже если они будут нелицеприятными. Так было у меня и с Житинкиным с его первого спектакля «Нижинский». «Андрей», - говорил я ему, - когда речь идет о муках творчества художника, - это одно дело. Но когда мы подглядываем за ним в замочную скважину, подсматриваем подробности его интимной жизни, это уже не прерогатива искусства, к творчеству отношения не имеющая. Я все время это повторял. Вот и кончилось все неприятием его спектаклей. Да и со стороны люди нам говорили: «Это театр, где работал Анатолий Эфрос. Неужели вам не стыдно за такие спектакли!» Да, мне было стыдно, но я был очень терпелив. Мне могут возразить: «А как же «Метеор»? Я в «Метеоре» играю главную роль. Житинкин поставил спектакль на меня. Но он его поставил и забыл. Никогда не приходил на него, как будто это и не его работа. Он был ему неинтересен, в нем не было ничего «жареного». А это - Дюрренматт, парадоксальная драматургия, драма человека, который всю жизнь мучился, художественно выдохся, хочет умереть, но даже это у него не получается. «Метеор» идет и будет идти в нашем репертуаре, как и «Нижинский». Мы сняли только «Калигулу» Каю по этическим соображениям. Он был просто неприемлем, дискредитировал театр.

- А другие спектакли Житинкина остаются на афише!

- Его «Анна Каренина» и «Портрет Дориана Грея» попали в сложное положение. В «Портрете» актер на главную роль был приглашен со стороны, так же, как и в «Анне Карениной». Сейчас выяснилось, что актер снимается в кино и его не отпускают со съемок. Он взял академический отпуск, в котором театр был не в праве ему отказать. Аналогичная ситуация и с «Анной Карениной»: исполнительни-

це главной роли не удастся сочетать спектакли в ее театре с нашими. Очень сложно приспособлять спектакли под приглашенных актеров. Я даже рад, что в моем нет ни одной «звезды». Только свои, почти вся труппа.

- Лев Константинович, а как вы ощущаете: дух Эфроса еще живет в этих стенах!

- Да, конечно. Так же, как во МХАТе живет дух Станиславского, Немировича, Качалова, Москвина, Тарханова, как бы и что бы там ни менялось. Так и у нас дух Эфроса никакими сквозняками не выветришь. Он живет в том или ином проявлении, он в актерах, в наших воспоминаниях.

- Пока вас не было, я смотрела афиши, фотографии из спектаклей других театров с вашим участием - Нового драматического, «Школы современной пьесы». И еще обратила внимание на старинную жестяную табличку с уличным номерным знаком «Малая Бронная, 4». Что она означает!

- Ну, это целая забавная история. Был у меня такой старый друг - Бубнов. Работал в области космонавтики, даже с Капицей в его телерадиопередачах участвовал и все время выступал против космонавтики. Замечательный был человек. Умер молодым, за рабочим столом, готовясь к очередному докладу. Был он страшным театралом и занимался странным коллекционированием: приходил в театр и воровал всяческие приказы по части увольнительной за пьянку или нарушение дисциплины. У него скопилось полное собрание сочинений по этой части из всех московских театров. А когда по городу пошел слух, что начнут менять номерные таблички на домах, он первым этим занялся. Надел комбинезон, взял стремянку и отправился снимать по домам номерные таблички. Ухитрился даже с Петровки, 38, снять. Я сам у него эту табличку видел. А этот знак он свинтил с нашего театра и подарил мне. В нем и лампочка зажигается, если за веревочку дернешь.

- Будете ли вы продолжать участвовать в спектаклях других театров теперь, когда у вас такая нагрузка в своем театре!

- В других театрах я редко играю, да и дублеры у меня там есть. Главное для меня сейчас выпустить премьеру. Приглашаю зрителя 27 сентября на премьеру «Дети!» Оформление сделал Станислав Морозов, настоящее классическое. Мне уже надоели все эти пластмассово-железячные брэнчащие декорации. Композитор у меня Сергей Корнилов. Будет звучать и церковная музыка. Сами увидите, услышите. Приходите.

Беседу вела
Наталья БАЛАШОВА.
На снимке: Л. Дуров.
Фото ИТАР-ТАСС.